

⁵ Патев П. Птиците в България. София, 1950, 72–78.

⁶ Пешев Ц., Боев Н. Fauna на България. София, 1962, 172–182.

⁷ Там же, 177.

⁸ Там же, 177.

⁹ Патев. Там же, 73.

¹⁰ По данным Картотеки Болгарского диалектного словаря Института болгарского языка БАН, София.

Перевел с болгарского А.К. Шапошников

М. Фурлан

СЛАВ. *ŠETATI И *ŠEMETATI, *ŠEMOTATI И Т.Д.

0. Благодаря сравнительно-историческим исследованиям славистами собран и объяснен огромный и до конца еще недооцененный славянский тезаурус, который можно признать равноценным огромному по объему романскому материалу. За проделанную работу мы благодарны нашим многочисленным предшественникам, учителям, которые со своих позиций последовательно шаг за шагом составили мозаику богатых знаний. Заложенный ими фундамент внушает чувство оптимизма и дает твердую уверенность в том, что хаотичность лабиринтов славянской лексики лишь кажущаяся и что при дальнейшем восстановлении нарушенных связей необходимо найти правильный подход.

0.1. В свое время Ф. де Соссюр определил этимологию как особое применение принципа, который прежде всего “объясняет слова так, что открывает их отношения с другими словами”¹. При этом Соссюр не думал о простом открытии фонетических эквивалентов в диахронической перспективе (ср. франц. *oiseau* ‘птица’ = лат. *aviceillus* ‘птичка’), но вероятнее всего он ориентировался в первую очередь на раскрытие словообразовательных связей слов, принадлежащих разным системам, как напр. франц. *oiseau* ‘птица’ при лат. *avis* с тем же значением, для него предметом этимологизации были не отдельные слова, а семья слов на морфемном уровне². Такое определение этимологии, появившееся между 1906 и 1911 гг., в концентрированном виде отражает практику европейской этимологии XIX в., выражением которой стал “Этимологический словарь славянских языков” Ф. Миклошича 1886 г., в котором в тоже время приблизительно в 6000 словарных статьях в соответствии с уровнем знаний того времени релевантная славянская лексика систематизирована в диахронической перспективе и в плане синхронии и словообразовательных отношений. Теперь нас отделяет от Ф. Миклоши-

ча более столетия, а между тем этимология очень аккуратно и последовательно совершенствовала свою методику, так что в результате мы получаем более надежные условия для реконструкции истории и морфо-семантического (=этимологического) родства = происхождения слов. Открывается также возможность выявления более широкого ареала для собственно славянских слов, все еще занимающих изолированное положение в языке. Такое положение не должно удивлять, если принять во внимание масштабность и гетерогенность самого словарного корпуса. Все большее внимание уделяется исследованию словообразовательных отношений в кругу собственно славянской лексики, а также важнейшим направлениям, ориентированным на раскрытие этимологии на славянском и также на более древних языковых уровнях.

1. Гл. движения **šētāti*, **šētāješь*, также **šēt'ešь*, широко представленный в славянских языках, находит отражение в словен. стар. *šētati* (*se*), *šētam* (*se*) / *šēčem* (*se*) ‘ходить, гулять’³, хорв., серб. *šētati* (*se*), *šētām* (*se*) / *šēcēm* (*se*) ‘гулять, прогуливаться’, хорв. чак. *šētāt* (*se*), *šēton* (*se*) то же, макед. *шета*, сврш. *шетне*, болг. *шётам*, рус. *шатáть* ‘качать, колебать, наклонять туда и сюда’, *шатáться* ‘нетвердо стоять или ходить’, сврш. *шатнúть(ся)*, др.-рус. *шататися* ‘блуждать’, ‘волноваться’, ‘кичиться’ (с XIII в.), укр. *шатáти* ‘сновать’, ‘суетиться’, ст.-чеш. *šátati* (*šeboi*) ‘шататься’ и кашуб. *šqtac sq*, *šqce sq* / *šqtä sq* ‘вертеться; мешкать, колебаться’⁴. В праславянском языке гл. **šētāti* функционировал как интранзитивный глагол, обозначающий неопределенное движение по горизонтали, – ‘двигаться без цели, бродить’.

1.2. Такое же значение свойственно и изолированному словен. каринт. *šētātə*, *-at*, сп. *š. qotə ru háržatə* ‘лесть к кому-л. в карман’, *š. ru s̄qrínjə* ‘шарить в сундуке’⁵ с обобщением новоакутовой интонации по презенту **šētāšь*. Этот же глагол *šētati* в менее специализированном значении ‘herumschnüpfen, herumsuchen, herumstöbern’ отмечен в 1851 г. в словаре Янежича⁶. Оба глагола отражают семантическое развитие, которое, вероятно, было направлено на отражение восприятия передвижения без цели = блуждания, скитания, что способствовало тому, что блуждание, скитание как транзитивное действие трансформировалось в искашение, соприкосновение, обшаривание, обнюхивание.

1.3. Существующее объяснение гл. **šētāti* с опорой преимущественно на неславянский материал отражает версию, согласно которой по причине возможных разных источников ё глагол представляет собой результат непонятного фонетического преобразования индоевропейской глагольной основы и принадлежит к унаследованной семье слов с односложной основой, в составе которой также поздние отлагольные образования, сп. рус. *шáткий* ‘неустойчивый, шатаю-

щийся’, *шатун* ‘человек, который любит шататься, ходить без дела, а также тот, кто ведет бродяжнический образ жизни’, блр. *шáткі* ‘шаткий, неустойчивый’, ‘ненадежный’ и т.п.

1.3.1. В существующих исследованиях для гл. *šētāti не предполагалась и даже не допускалась возможность включения глагола в круг славянской лексики на уровне синхронных словообразовательных отношений⁷. Для этого глагола допускаются следующие связи:

а) гот. сущ. *sins* ‘путь; раз’ < *sént-o- и др.-ирл. *sét* ‘путь’ < *sentu-, которые, как и гот. каузатив *sandjan* ‘послать’, др.-в.-нем. *senten* то же, ср.-в.-нем., нов.-в.-нем. *senden*, указывают на и.-е. глагольную основу *sent- ‘идти, пойти по пути’⁸;

б) лит. гл. *skästi, skantù* ‘скакать’⁹, которое при родстве с лат. *scatō, -ere* ‘бить ключом’, ‘изобиловать’, ‘кишеть’ указывает на и.-е. глагольную основу *skeHt- ‘скакать’¹⁰;

с) греч. κέντρον ср.р. ‘колючка, шип’, κεντέω ‘колоть’ (Младенов 693), которое в случае возможного родства с лтш. *sīts* ‘копье, пика для охоты’, если последнее из балт. *śinta- (Frisk 821), отражает и.-е. основу *k'ent- ‘колоть’;

д) лит. гл. žeñgti, žengiù ‘шагать, маршировать’ (Machek² 603), который отражает и.-е. корень *g'hengh- ‘шагать’¹¹.

1.3.2. Предложенное В. Махеком как более вероятное сближение с лит. žeñgti, взамен прежнего сближения с *skästi*, трудно доказуемого, поскольку предполагает много ступеней развития, в ряду которых наименее доказаны десоноризация согласного *z- > *s- при экспрессивном переходе *s- > *š- и вторичные формы интенсива на -t-; также семантически неубедительна связь с лит. *skästi* (при лат. *scatō*), с одной стороны, и с греч. κέντρον и другими родственными образованиями, с другой стороны, так как *šētāti гл. горизонтального, а не вертикального движения, как отмечает Рейзек¹², также не подтверждается сема ‘колоть’ у гл. *šētāti. Авторы, принявшие старое сближение В. Махека с гл. *skästi*, развили эту идею, предположив, что в *šētāti находит отражение назальная инфицированная основа *skent- (Skok III, 389; Gluhak 605) < *sket-, но при этом упустили из вида, что родство лит. *skästi* с лат. *scatō* требует исходной индоевропейской базы с ларингальным *skeHt-, а не *sket-. Если принять во внимание акцентные отношения между праслав. *sēsti и презентом *sēdq (рус. *сесть, сяду*, укр. *сісти, сяду* и т.д.), то при выборе такой исходной базы следовало бы ожидать акростатическую акцентуацию **šētati, а не ту, что засвидетельствована в *šētāti. Тогда в сближении Махека *šētāti с лит. *skästi* наименее проблематично начало слова, так как *š- через *ch- могло бы произойти путем перестановки из варианта *sk-* < *ks-*.

1.3.3. Самое раннее, принадлежащее Цупице, сближение гл. *šētāti с образованиями с и.-е. корнем *sent- ‘идти, выбрать путь’ оз-

начает, что начальное *š* могло развиться по той же модели, что и в слав. **choditi* : **šydlъ*, **šybstъ* (\leftarrow и.-е. диал. **sed-* ‘идти’,ср. др.-инд. *upa-sad-* ‘приближаться к кому-л.’ при греч. ὁδός ж.р. ‘путь’), что вполне приемлемо в формальном и семантическом плане. Вполне возможен семантический переход от нейтрального значения ‘идти’ к значению ‘бесцельно ходить, шататься’, напр. **choditi* → итер. **ro-chad'ati* = словен. *pohájati* ‘ходить, не имея ясной цели’, также хорв. *pohádati* ‘заходить, посещать’.

1.3.3.1. Если следовать объяснению Цупицы, то **šetāti* является итеративом типа **tékati* от тематического презента **šesťi*, **šetēbъ* из и.-е. **sénte-ti*. В пользу такого понимания говорит германский каузатив **sand-eja-* \leftarrow **sontéje-*. Возможно также, что **šetāti* так же, как **metāti* \leftarrow **mestī*, **metēbъ* (ср. лит. *mèsti*, *metù*), явилось результатом преобразования праслав. **šesťi*, **šetēbъ*. В первом объяснении у итератива **šetāti* межпарадигматическая связь **šetāti* / **šet'* есть носит как будто бы вторичный характер и как будто бы указывает на существование варианта тематического презента типа **píš'eťbъ*, т.е. **sent-jé-ti* ‘идти’ при **sénte-ti* в том же значении. Реконструкцию тематических презентов **šetēbъ* и **šet'* есть как будто бы подтверждает также морфологическое объяснение, согласно которому **šetāti* отражает преобразованный present. Та же вариантность отмечена у славянского вторичного презента **mét'eťbъ* (при преобразованном **metāti*, ср. словен. *metáti*, *méčem*, хорв., серб. *mètati*, *mèčem*), который заменил более старую форму **metēbъ*.

1.3.4. Как бы то ни было для праслав. гл. **šetāti* и его производных, таких, как напр. отлагольное прилагательное **šetъkъ(jь)* (= рус. *шáткий*, блр. *шáткi*), независимо от внешних и внутренних факторов, очевидно, можно предполагать тематический present **šetēbъ* при инф. **šesťi*. Глагол обозначал перемещение человека по горизонтали (= ходьбу), при котором ни направление, ни цель не были определены. Именно такое горизонтальное перемещение в пространстве без специальных уточнений делает понятными и объяснимыми значения, которые засвидетельствованы в пограничных микро- и макросистемах (см. выше).

2. В существующих объяснениях корневой части в **šetāti* использовался метод внешней реконструкции и поэтому в дентальном элементе *-t- в основе признавали конститтивный элемент корневой структуры. Однако славянский материал требует другого морфемного членения.

2.1. **šem-etā-ti*.

В словенском языке в XVI в. у Мегисера и позднее в XVIII в. у Гутсманна засвидетельствован приведенный глагол только в форме инфинитива **šemetati*, значение которого передается нем. *schwanken* = ‘шататься’ и синонимами *še vurtiti* = *se vrteći* \leftarrow **vürteti* se,

*Je svrazhati = se zvračati ← *vort'ati se, potikuvati Je = potikovati se ← ← *po-tykovati se, opadati и kinkati.* Значение глаголов согласуется с семантикой русского, украинского и чешского рефлекса *šetati. Помимо *šemetati Гутсманн также приводит синоним šematati ‘torkeln = ‘шататься’, для которого синонимы не даны. Тот же глагол представляет Мурко с парадигмой – ſhematáti, -ám / -ážhem ‘шататься’¹³ и позднее Янежич – šemataati с вариантом šemótaati ‘taumeln, hinken, schlendern’.

2.1.1. Гл. šemetati имеет параллель в хорв. šemetati, šemećem ‘шататься, бродить’, напр. koji od vina šemeći (RJA XVII, 530)¹⁴, и в рус. диал. шеметать, шеметиться ‘заниматься пустяками, метаться туда и сюда, суетиться (Даль² IV, 628), который в том же отношении к šemetati (словен., хорв., рус.), как хорв. šemetiti, šemećem ‘маяться, шататься’ (RJA XVII, 530: Stulli), являющийся деноминативом от девербатива *šemetъ. В македонском известна лексема šemet ‘головокружение’ наряду с прилаг. šemeten ‘страдающий головокружением’, šemetna ж.р. ‘головокружение’, šemetno, нареч. ‘головокружительно’, в болгарском – шéмет ‘головокружение’, прилаг. шéметен, -тни ‘вызывающий головокружение’. Значение ‘головокружение’ в таком случае является производным от значения ‘шатание’.

2.1.2. О более широком распространении девербатива *šemetъ свидетельствует словац. диал. šemetit’ ‘говорить пустяки, болтать’ (Kálal 671), которое подтверждает типологически частую связь значений ‘бесцельно бродить, шататься’ и ‘болтать, говорить вздор’¹⁵. Для человека бесцельное блуждание, шатание имеет отрицательные коннотации, и такие же коннотации имеет пустая болтовня, что наглядно представляет, напр., значение словенского деноминатива klámiti, -im ‘вести себя неуклюже, неловко’ и ‘говорить глупости’ или рус. брёдить ‘говорить вздор’ от праслав. *brestī, *breděšь, рус. брестый, бреду ‘идти с трудом или тихо’. Вероятно, эта негативная коннотация способствовала дальнейшему развитию значения ‘болтать, говорить пустяки’ в направлении ‘обманывать’ в ст.-чеш. ošemet ж.р. ‘обман’, ošemetnost то же, чеш. ošemet’ ‘обман, плутовство; притворство, коварство’, ošemeta ‘обманщик, плут, мошенник’, ošemetit ‘обманывать, надувать’, морав. vyšemetit то же. Существительное ošemeta является девербативом от перфективного глагола типа klevetā от klevetiati, тогда как старочешское существительное с основой на -i- вместо ожидаемого тематического девербатива *o(b)-šemetъ можно объяснить влиянием со стороны лексической группы, представляемой гл. *mestī, *metěšь (соответственно *metati), где девербативы с основой на -i- закономерны, напр. *sъ-metъ. Вероятно, народноэтимологическое переосмысление способствовало тому, что первоначальный девербатив *o(b)-šemetъ м.р. преобразовался в *o(b)-šemetъ ж.р.¹⁶

2.1.3. Фасмер членил рус. *шемета́ть* на *ше-мета́ть* и связывал с гл. **metāti* (Фасмер IV, 427), что, вероятно, поддерживалось семантикой рус. диал. *шеметнúться* ‘броситься, кинуться’ (Даль² IV, 628). В. Махек в приведенном чешском и словацком материале так же, как и Фасмер, выделял экспрессивный глагольный префикс **še-* и выводил глагол из первоначального **še-motati*, далее к *motati*, что по гармонии гласных могло бы дать **šemetati*. Широкий ареал **šemetāti* дает основание предполагать, что по причине совершенно неизвестного происхождения начального глагольного префикса **še-* глагол является экспрессивным девербативом типа **trep-etā-ti* (→ **trèpetъ*), по народной этимологии произошло сближение с **metāti*, что и стало причиной исторически не оправданного членения **še-metāti* и возникновения девербатива с основой на -*й*- в чеш. *šemet'*, а также полного преобразования значения рус. гл. *шеметнúться* сврш.в. и, конечно, выделения языковым сознанием преф. **še-*.

2.2. **šem-elā*: **šem-echā* : **šēm-erъ*.

Кроме слав. **šemetāti* (словен., хорв., рус.), глагольную основу бесцельного движения, блуждания и т.п. также подтверждают русские отглагольные существительные *шемехá* ‘шатун, бродяга’ и *шемелá* ‘бестолковый человек’ (Даль² IV, 628). Девербатив **šem-elā* стал производящей основой для деноминатива **šemelīti* в словац. диал. *šemelit'* ‘болтать’ (Kálal 671), *ošemelit'* сврш. ‘обмануть’ (Kálal 436) и в укр. *шемелíти*, -лю, -лишь ‘шелестеть’ (Гринченко IV, 491) с дальнейшим развитием значения,енным на восприятии праздной болтовни, пустого разговора как слабо артикулируемых нечетких звуков / шумов. Значение украинского глагола можно сравнить со значением укр. *шемтíти*, -мчу, -тиши ‘шуршать, производить шорох’ (Гринченко IV, 491). Этот деноминативный глагол указывает на то, что наряду с **šem-etā-ti* существовал вариант девербативного глагола **šem-ъtā-ti*, от которого был образован *шемть*, а от него деноминативный гл. **šem-ъt-ě-ti* = укр. *шемтíти*. В хорватском языке наряду с *šemetati* существует синоним *šemeriti*, -im ‘шататься, бродить’ с существительным *šemer* ‘шатание, бесцельная ходьба’ и нареч. *šemerno* ‘шатко, неловко (о ходьбе)’ (RJA XVII, 530). Здесь, вероятно, исходным является субстантив **šēmetъ*, который по образцу словен. *pletēr*, род.п. -ja м.р. ‘плетеная леска, плетеная корзина’, хорв. *plēter*, род.п. -a ‘нитки для вязания’ < **plēterъ* ‘плетение’ ← гл. **pletēšъ* ‘plectere’ легко мог произойти от славянского тематического гл. **šemēšъ*. Девербативные гл. **sem-etā-ti* (тип **trep-etā-ti*) и **šem-ъtā-ti* (тип **rop-ъtā-ti*) имеют своего предшественника в глаголе, обозначающем движение без цели.

2.3. **šem-otā-ti*.

В. Махек объясняет словац. *šemotal'* ‘болтать’ (Kálal 672) как сложение экспрессивного преф. **še-* и гл. **motati* (Machek² 605).

С учетом рассмотренного выше материала, а также помор. *šemotac* ‘шуметь’ (Lorentz. Pomor. II, 440) можно объяснить, исходя из экспрессивного гл. **šem-otā-ti*, построенного по типу **rop-otā-ti*. Вероятно, того же происхождения и отмеченный Янежичем гл. *šemotati* ‘taumeln, hinken, schlendern’, хотя, если исходить из суперсегментной характеристики глагола, которая не совпадает с гл. *ropotati, klopotati*, можно предположить, что произошло сближение глагола со словен. *mótiati, -am* ‘мотать = *mótati* ‘haspeln, weifen’, *mótati se* ‘sich herumdrehen’¹⁷, у которого в первоначальном инфинитиве словен. *motáti* гласный по аналогии был привнесен из презента *mótaš* < **mótābъ* < **mótājebъ*,ср. первоначальное состояние, отраженное в прекмурском *motáti, mótan* ‘мотать, свивать’. Девербатив **šemotъ*, производный от **šem-otā-ti*, находит отражение в словац. *šemotíť* ‘болтать’ (Kálal 672).

2.4. **šem-atā-ti*.

В словообразовательном отношении изолированный словен. гл. *šemátati, -tam / -ačem* ‘бродить, шататься’ может быть объяснен как экспрессивный девербатив *šem-atā-ti* редкого типа, ср. *rogátati, -am* ‘стучать, греметь, грохотать’ при *rogítati, -am* с тем же значением.

2.5. **šem-itā-ti*.

Точно так же по причине существования хорв. *mútiti, mûtim* ‘turbare, miscere’ < **mqtīti, mqtišь* требовалось бы принять членение на **še- / šo-**mutati*¹⁸ для изолированного хорв. *šemütati, šemütäm* ‘быть хромым и потому шататься’ (RJA XVII, 532: Makarska), чак. *šemutat, šemutôn* ‘шатаясь, идти как пьяный’ (Hraste – Šimunović 1184), *šemutat, -tōn* ‘при ходьбе неловко ноги передвигать’ (Брусье, Хвар)¹⁹, а также для отмеченного на о. Крк *šomütati* ‘воровски шмыгать вокруг дома’, возможно, с вторичным гласным *o*, привносящим экспрессивность, к нему же девербатив *šomuta* ‘кто вокруг дома шмыгает как вор’ (RJA XVII, 714), но фактически это словообразовательный вариант **šem-itā-ti* типа хорв. *skakütati, blekütati* и т.п. Такое морфологическое членение подтверждается также ударением. Ни сербскому, ни хорватскому не известен гл. **mütati*, другой же тип ударения у простого гл. *mütati, -ām* ‘заикаться, запинаться’ и *mútiti, mûtim* ‘turbare, miscere’.

2.6. Итератив **šamati*.

Факт существования славянского гл. **šemēbъ* со значением ‘бесцельно ходить, шататься’ косвенно подтверждается славянскими экспрессивными девербативными гл. **šem-etā-ti* (словен., хорв., рус.) → **šemetъ* (хорв., макед., болг., чеш.); **šem-žtā-ti* → **šemtъtъ* → → **šemtъtēti* (укр.); **šem-otā-ti* (словен., словац., помор.) → **šemotъ* → → **šemotīti* (словац.); **šem-atā-ti* (словен.); **šem-itā-ti* (хорв.) → → **šemutъ* (хорв.); сюда же девербативные субстантивы **šem-elā* (рус.) → **šemelīti* (словац., укр.); **šem-echā* (рус.); **šem-erъ* (хорв.) → → **šemerīti* (хорв.). Подтверждением его существования могло бы быть также ст.-чеш. *šámati* (*sé*) ‘бродить во тьме’²⁰, чеш. диал. *šámat*

‘ходить наощупь’ (Jungmann IV, 434). Глагол, в случае, если он относится к словам с начальным **ch*-, мог бы быть итеративом **šamáti*, **šamáješť* > **šámāšť* к реконструированному **šeměšť* типа **tékati* ← ← **tečěšť* ‘сиргеге’. Предположение В. Махека о родстве ст.-чеш. *šamati* (sě) «nejspíše nějaká nářeční obměna ze šmátrati ‘пробираться наощупь’» (Machek² 601) с рассмотренной здесь глагольной основой **šem-* признавал также Шустер-Шевц (Schuster-Šewc 1404). Однако он не объяснил в плане морфологии чешский глагол, но связал его с рус. диал. *шáмать* ‘шаркать ногами, вяло, волочить ноги’ и ‘пришепетывать по-стариковски’ (Даль² IV, 620), укр. *шáмати* ‘шуршать, шелестеть’, сврш. *шамнúти* ‘быстро побежать, шмыгнуть’, ‘зашелестеть, зашуршать’, ‘шелохнуться’, *шамкий* ‘быстрый’ (Гринченко IV, 483), блр. *шáмаць* ‘производить шумы’ (Носович 705) и в.-луж. *šamać*, -*at* ‘тащить; тереть; массировать’. Все три восточнославянских глагола не подтверждают предложенного объяснения итератива с вокализмом *-e-*, образованного на основе долгого гласного в чешском презенте **šámāšť*, но по типу акцента указывают на итератив с вокализмом *-o-* типа **tákati*.

2.6.1. Значение в.-луж. *šamać* указывает на то, что в итеративе **šamati* доминирующая роль принадлежит второй семе ‘тянуть, тащить / скользить’, которая возникла вторично из первоначальной ‘бесцельно бродить, шататься’ (откуда с одной стороны, развились значение ‘искать’, а с другой, – ‘болтать’, а из него – ‘производить слабо артикулируемые нечеткие звуки / шумы’), когда шатание как непрямолинейное перемещение стало пониматься как неподобающая, плохая ходьба, при которой ноги скользят по земле по причине лени / небрежности или физического недостатка / хромоты. Другая иерархия сем находит отражение в украинском языке, где у формы совершенного вида и у отглагольного прилагательного сему ‘бесцельно’ вытеснила сема ‘двигаться, перемещаться’, дополнительно усилившаяся в итеративе. Отличную иерархию сем подтверждают также экспрессивные глаголы, ср. напр. словен. *šamljáti*, -*at*, которое, кроме значения ‘неуклюже ходить’ и ‘рыться, перебирать, шарить’, т.е. ‘искать’, имеет также значение ‘болтать, говорить глупости’. Первое значение известно также хорв. *šamljati*, -*at* ‘при ходьбе широко расставлять ноги’ (RJA XVII, 461: Vitezović), второе – рус. *шáмкать* ‘неразборчиво говорить’, на что обратил внимание Ф. Безлай²¹. Однако в польск. *szamotać* ‘метаться, качать (о ветре), трясти’, которое Брюкнер (Brückner 540) связывал со славянскими образованиями с основой **šem-* и которое формально соответствует укр. *шамотáтися* ‘шевелиться, возиться, рваться’ (Гринченко IV, 483), преобладает транзитивная сема ‘двигаться туда-сюда’ < ‘бесцельно бродить’. Напротив, девербатив **šamotъ*, который сохранился в словац. *šamotit* ‘болтать’ (Kálal 667), укр. *шамотíти*, -*чý* ‘ше-

лестеть' (Гринченко IV, 483) и блр. *шамоцéць* 'производить шум' (Носович 705), указывает на преобладание семы 'производить неразборчивые звуки / шумы'.

3. Праславянские синонимы *šetēšь и *šemēšь.

Все вышесказанное выявило источники для реконструкции праславянского тематического гл. *šetī, *šemēšь 'бесцельно двигаться, шататься и т.п.', который выпал из активного словарного состава, так как его экспрессивные девербативы на -eta-, -ъta-, -ota-, -ata- и -uta, вероятно, уже в славянских микросистемах начали по народной этимологии сближаться с семантически сходными глаголами с консонантным составом *m-t-*, что стало причиной ошибочной сегментации *še-mVt-, вероятно, с последующим осознанием и выделением говорящими преф. *še-. Вместе с тем из приведенного материала становится очевидным, что значения, характеризующие гл. *šetāti, появляются как у экспрессивных девербативов с основой *šem-, так и у итератива *šamatī и его экспрессивных девербативов. Из сопоставления значений славянских образований с основами *šem- / *šam- становится вполне понятным также значение 'кичиться, важничать', характерное для др.-рус. *шаматися*. В этом примере важничание, собственно говоря, это – праздная болтовня.

3.1. Совпадение значений у гл. *šetāti и *šemēšь с дериватами приводит к выводу о родстве этих глаголов и об отражении в них индоевропейского глагольного корня. Это означает, что фонема *-t-* в *šetāti / *šemēšь не является частью индоевропейской структуры корня, как это предполагается в существующих объяснениях. В *šemēšь как раз могла сохраниться индоевропейская глагольная основа *C₁(C₂)em-te-. Морфема *-te-, вероятно, та же, что и в основе *plek'-te- 'плести' (ср. лат. *plexō*, *ere*, др.-в.-нем. *flehtan* то же) при *plek'-e- 'плести' (ср. греч. πλέκω то же). Та же основа презента, как известно, сохраняется в праславянском вторичном межпарадигматическом отношении *plesī, *pletēšь, которое, вероятно, под влиянием типа *mestī, *metēšь, возникло из первоначального *plesī, *plestešь. Словообразовательные варианты *šetešь : *šemēšь образуют параллельную пару, как греч. ἀνύω 'совершать, исполнять, доводить до конца, достигать' : ἀνύτω то же, лат. *plexō* 'плести' : *plicō* 'складывать, свертывать', 'свивать', *cantō* 'петь' : *canō* то же и т.п., и происходят из индоевропейских отношений между тематическими деноминативами глагольных прилагательных на *-to- и их производящими глаголами, на что, возможно, указывает греч. πλεκτός 'плетеный' и лат. *cantus* 'пение'²². Функционально то же отношение отражает также *šetēšь : *šemēšь. Рус. диал. *шатить* 'качать, колебать, трясти, наклонять туда и сюда' (Даль² IV, 623) и приведенный в словаре Ярника устар. гл. *šetiti se* 'бездельничать'²³, несомненно, являются деноминативными глаголами. Польск. диал. *szeńolić* 'шумно

двигаться, двигаться туда-сюда' (Karłowicz V, 299) может быть деноминативным образованием от *š^{et}olъ, которое, вероятно, от прилагательного, если принять во внимание славянский тип, отраженный в болг. бързъл 'горный поток' ← прилаг. *bъrrzъ (Sławski. Zarz I, 109). Эти косвенные данные, возможно, указывают на прилаг. *š^{et}ъ < и.-е. *C₁(C₂)em-tó- типа греч. πλεχτός, который на индоевропейском уровне стал основой для тематического деноминативного гл. *C₁(C₂)ém-te- → праслав. *š^{et}ešь. Поскольку чисто внешними средствами, с опорой на неславянский материал такое объяснение *š^{et}ešь невозможно дополнительно перепроверить, глагольный источник *-te- в *š^{et}ešь остается как альтернативное объяснение. При не поддающимся проверке девербативном или деноминативном происхождении *š^{et}ešь остаются вероятными следующие возможности:

- а) *š^{et}ešь и *š^{et}ešь относятся к славянским глаголам, унаследованным из индоевропейского праязыка;
- б) родственны между собой по причине семантического и морфологического совпадения;
- в) поэтому в них сохраняется тот же индоевропейский глагольный корень *C₁(C₂)em- с семантикой перемещения.

3.2. Идентификация индоевропейского корня в *š^{et}ešь и, следовательно, признание родства с *š^{et}ešь подводит к такому выводу, что в обоих глаголах сохраняется корень с последовательностью фонем -em-. Возможны два индоевропейских корня с семантикой передвижения – *s^{et}em- 'двигаться' (Pokorný I, 1046) и *g^{et}em- 'куда-н. идти, прийти' (Pokorný I, 464)²⁴. Если отдать предпочтение и.-е. *g^{et}em-, то возникает больше фонетических и словообразовательных трудностей, чем в случае выбора *s^{et}em-. Если оставить в стороне проблему связи слав. *ž- с индоевропейским звонким лабиовелярным, то остаются трудности на морфологическом уровне уже потому, что корень *g^{et}em- из аориста²⁵, что влечет за собой предположение, что *š^{et}ešь, как и напр. слав. *žerěšь, является вторичной тематизированной основой аориста²⁶ с ожидаемым для него презентом *žytměšь (тип *žyrěšь). Поэтому представляется более вероятным, что в отношении *š^{et}ešь : *š^{et}ešь находит отражение и.-е. корень *s^{et}em-. Этот корень в германских языках специализируется преимущественно на передаче движения по воде, т.е плавания (ср. нов.-в.-нем. schwimmen 'плавать', ср.-в.-нем. schwimmen то же, др.-в.-нем. schwimman < герм. *swemt-a- при каузативе в нов.-в.-нем. schemtten, др.-англ. swemtan), а отдельные примеры, как напр. норв. svamra, хорошо подтверждают древнее значение.

3.3. Согласный ž- в *š^{et}ešь и *š^{et}ešь возник, следовательно, из последовательности двух фонем *s^u- . Так как оба глагола не входили в состав нейтральной праславянской лексики – центральное место занимал нейтральный гл. *iū 'ire' – согласный ž- < *s^u- возник не

так, как в числительном *šēstъ ← и.-е. *s̥ek's 'шесть', а на основе экспрессивного развития *s̥u-V- > *šy-V- и делабиализации *šy-V- > *š-V-, как это наглядно представлено в отношении словен. šépati, -am 'хромать', хорв., серб. šépati, -âm 'неровно ходить', словац. диал. šeptat'i 'согнуться' : словен. švépati 'хромать' : svépati то же ← ← *svēpāšь (ср. др.-рус. *свенатися* 'качаться')²⁷ : в.-луж. šapać so, -am so 'неуклюже ходить', н.-луж. šapaś, -am / -plju 'неуклюже ходить, прихрамывать, переваливаться', словац. диал. šaptat'i 'хромать (о корове)' : словен. диал. šapljati, -âm 'ходить размашисто' (Schuster-Šewc 1405)²⁸ < *svāpati (итератив tákati).

3.4. В отношении *šetēšъ : *šetēšъ, следовательно, можно было бы признать отражение индоевропейской основы презента *s̥ém-te- 'двигаться' и *s̥ém-e- то же, причем *šetēšъ и герм. *swemt-a- могут отражать тот же индоевропейский тематический презент; на корневом уровне *šetēšъ ← < *s̥ém-te- родственно лтш. svempt, svemri / svempju 'неуклюже ходить' ← и.-е. *s̥ém-pe-²⁹, что подводит к мысли, что старые деноминативные глаголы древнеиндийского типа *gardabhá-ti* ← *gardabhá-* м.р. существует в балтийском и славянском материале, но это трудно доказуемо. Восточнославянские языки, следовательно, отражают первичный акцент в славянском итеративе *šamati, потому его необходимо выводить из формы с вокализмом -o- *svāmati³⁰.

Примечания

¹ De Saussure. Predavanja iz šplosnega jezikoslovja. Prev. B. Turk. Ljubljana, 1997, 211, 212.

² Idem., 1.

³ Murko. Slovén[ko-Ném[hki in Ném[hko-Slovénski rózhni besédnik. Slovén[ko-Ném[hki Dél. V' Grádzi, 1833, 580; Cigale. Deutſch-sloveni[ches Wörterbuch. Laibach, 1860, 1500.

⁴ Popowska-Tahorska H., Boryś W. Leksyka kaszubska na tle słowiańskim. Warszawa, 1996, 191.

⁵ Šašel J. Rožanski narečni besednjak. Rokopis, 118. Inštitut za slovenski jezik F. Ramovša ZRC SAZU v Ljubljani.

⁶ Janežič A. Popolni ročni slovár slovénškega in nemškega jezika. U Čelovcu, 1851, 428.

⁷ Предложенное Ондрушем сближение с польск. szastać się 'двигаться, слоняться, мотаться' и др., которое основано на допущении вторичной назализации в *šētati, и далее признание родства со слав. *choditi, которое было бы в таком случае звонким вариантом первоначального *choiti (*Ondrus Š. Sémantika, genéza a fundujúca funkcia slovanských slovies chetati : chētati : chen-tati > šetati : *šatati : *šētati // Slavia 50, 248–270*), призвано было бы объяснить вариантность не связываемых между собой слов в отношении *šat- < *chēt- :: *šēt- < *che(-n)t-, проблематично по причине связи с лит. skasti, где a представляет собой рефлекс ларингального, ср. вокализм a в лат. scatō.

⁸ Цит. по: Фасмер IV, 413; Lexikon der indogermanischen Verben. Die Wurzeln und ihre primärstammbildungen. Unter Leitung von H. Rix und der Mitarbeit vieler ander-

- er bearbeitet von M. Kümmel, Th. Zehnder, R. Lipp, B. Schirmer. Wiesbaden, 1998, 483.
- ⁹ Macheck V. Untersuchungen zum Problem des anlautenden *ch*- in Slavischen // Slavia 16, 1938–1939, 217.
- ¹⁰ Lexikon der indogermanischen Verben, 498.
- ¹¹ Idem., 155.
- ¹² Rejzek J. Vznik a původ praslovanského iniciálnoho *ch*- Disertacija. Praha. Rokopis.
- ¹³ Это – новый тип славянских девербативных прилагательных на *-ъкъ-* (напр. *žegъкъ*, **terъкъ*, **gorъкъ*, *gobъкъ*, **tyrъкъ* ...), в котором находит отражение унаследованная модель девербативных прилагательных типа др.-инд. *táku* ‘быстрый, стремительный’ ← *ták-ti* ‘спешить, бежать’, **H₁éś-i-* / *H₁óś-i-* ‘добрый’ (греч. ἔυς ‘добрый, хороший’, хетт. *ašši-* ‘хороший, дорогой’) ← *H₁es* ‘esse’, переструктурированная в праславянском с помощью суф. *-kъ*.
- ¹⁴ Murko. Op. cit. 578.
- ¹⁵ Сюда же омоним *šemetati*, *šemećem* ‘особой палкой тянуть сеть из моря’, сюда же *šemet* ‘палка с большим количеством крюков, с помощью которой вытягивают сеть из моря’, которое Скок отмечено в Дубровнике и Млете, но оставлено без объяснения (Skok III, 386). См. сноска 18.
- ¹⁶ Бјелетић M., Влајић-Поповић J. Етимолошки проблеми неких експресивных глаголов кретања // WslJb 37, 1991, 127–134.
- ¹⁷ Точно так же словенский девербатив **plahot* м.р. **frfotanje* с конкретным значением ‘bestiae volatiles’ от гл. *plahotati* ‘frfotati’ под влиянием синонима *perút* ж.р. ‘bestiae volatiles’, *perot* то же <**pérqtъ*> преобразовался в *plahot* ж.р. ‘bestiae volatiles’.
- ¹⁸ Janežić A. Op. cit. 159.
- ¹⁹ Бјелетић M., Влајић-Поповић J. Указ соч., 103, примечание 73.
- ²⁰ Dulčić J., Dulčić P. Rječnik bruškog govora // Hrvatski dijalektološki zbornik. Knj. 7, sv. 2. Razred za filologiju JAZU. Zagreb, 1985, 677.
- Брусье на о. Хвар известны два девербативных синонимы *šemet* м.р. и *šemut*, обозначающих деревянную палку с крюком, с помощью которой по дну моря ищут сеть или канат. Это же орудие в хорватском языке называется *brkljáča* ← *brkljati*, *-ām* ‘рыться, копаться’, словен. *brkljáti* ‘рыться, шарить, искать’. В Брусье на о. Хвар существительным соответствуют синонимичные гл. *šemetati*, *-tōn* и *šemutati*, *-tōn* ‘палкой по дну моря искать сеть или канат’ (Dulčić J., Dulčić P. Op. cit. 677). Транзитивное значение ‘искать, шарить’ часто появляется при интранзитивном значении ‘бесцельно ходить, бродить, шататься’, как это наглядно показывает отмеченный выше словен. карант. *šēlati* ‘искать, шарить, хватать’, а также хорв. чак. *šēbot* ‘наощупь искать в темноте’ (Hraste – Šimunović II, 1175), ‘наощупь искать что-л.’ (Dulčić J., Dulčić P. Op. cit. 674: Брусье на о. Хвар), рус. диал. *шáбрать* ‘шарить, искать в темноте’ (Фасмер IV, 392) при несомненно родственном хорв. *šēbat*, *-ān* ‘ходить так, что при этом заплетаются ноги’ (Bojanic M., Trivunac R. Rječnik dubrovačkog govora // Srpski dijalektološki zbornik. XLIX. Beograd, 2002, 445: Дубровник), *šebehati*, *šebehām* / *šebećem* ‘шататься’ (RJA XVII, 518). В хорватской рыбной терминологии *šemet* м.р. / *šemut*, nomen actionis *šemetъ* м.р. / *šemutъ* с первоначальным значением ‘искание’, стало термином, обозначающим орудие для поисков (сети или чего-л. другого на дне моря), причем из значения, известного в Дубровнике и на Млете (см. сноска 13), существует, что значение ‘искать’ было замещено значением ‘тянуть, тащить’, потому что с помощью орудия не только ищут, но и вытягивают найденное из моря.

- ²¹ *Bělič J., Kamiš A., Kučera K.* Malý staročeský slovník. Praha, 1978, 497.
- ²² *Bezljaj F.* Eseji o slovenskom jeziku. Ljubljana, 1967, 167.
- ²³ *Vaillant A.* Grammaire comparée des langues slaves III. Le Verbe. Paris, 1966, 171.
- ²⁴ *Jarnik U.* Verſuch eines Etymologikons der Slowenischen Mundart in Inner-Oesterreich. Klagenfurt, 1832, 24.
- ²⁵ Lexikon der indogermanischen Verben 187.
- ²⁶ Ibid.
- ²⁷ *Vaillant A.* Op. cit. III, 189.
- ²⁸ Этим образованиям родственно слвц. диал. *sepkat'* ‘качать(ся); толкать’, в котором не наблюдается экспрессивного фонетического развития. См.: *Furlan M. Psl. *sop-ti, *sop-q 'spati' // SR 36, 1988, 104.*
- ²⁹ *Bezljaj F.* Zbrani jezikoslovni spisi. I. Ur. M. Furlan. Ljubljana, 416.
- ³⁰ Родство на корневом уровне латышского глагола с и.-е. *s̄w̄ēt- ‘двигаться’ признает Френкель (Fraenkel I, 949), несколько раньше Ф. Безлай связывал с ним словен. *šépati, -am* : *švépati* : *svépati* (*Bezljaj F. Zbrani jezikoslovni spisi I*, 416), очевидно ему был неизвестен другой славянский материал – др.-рус. *свенатися* ‘качаться’, в.-луж. *šapać so, -am so* ‘неуклюже ходить’.

Слав. **šantati* ‘двигаться, качаться, хромать’ (хорв., серб., болг., чеш., слвц.), которое, начиная с Миклошича, признают заимствованием венг. *sántít* ‘хромать’, *sánta* ‘тот, кто хромает’ (*Miklosich F. Die Fremdwörter in den slavischen Sprachen. Wien, 1867, 56*), могло фонетически развиться из девербатива **šām-ъta-ti* к **šāmati* < **svāmati*.

Перевела со словенского Л.В. Куркина

А.К. Шапошников

САРМАТСКИЕ И ТУРАНСКИЕ ЯЗЫКОВЫЕ РЕЛИКТЫ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

В современной иранистике господствует представление о существовании двух подгрупп иранских языков и диалектов – западноиранских (фарси, дари, таджикский, белуджи, лурестанские и др.) и восточноиранских (пашто, памирские и осетинский). Это представление удовлетворительно объясняет большинство языковых явлений, но вносит путаницу в этноязыковую и лингво-культурную историю народностей, носителей иранских языков и их диалектов.

Обратившись к собственно иранской традиции (авестийской), мы обнаруживаем, что сами носители иранских языков подразделяли себя на три родственных, нередко враждебных, историко-культурных общностей: на арийцев, туранцев и сарматов.

“... от Машни (**Martja-*. – A.III.) и Машнанэ (**Martjanak-*. – A.III.) произошло 7 пар, мужчина и женщина, и каждый брат был мужем, а сестра – женой. И вот теперь они выросли, подобно высокому де-